

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

УДК 342.7

DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-87-102

Правомочие доступа к правосудию в конструкции субъективного конституционного права на судебную защиту

О. Ю. Волченко

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры процессуального права

Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития РФ
119285, Россия, г. Москва, Воробьевское шоссе, 6а

E-mail: olegvolchenko@mail.ru

Аннотация: статья посвящена исследованию ряда проблем теоретического и практического характера, связанных с обеспечением доступа правообладателей к правосудию. Автор отстаивает точку зрения о наличии институциональной конкуренции между тенденциями, с одной стороны, доминирования федеральных судов в судоустройстве и централизации судебной системы, расширения сети апелляционных и кассационных инстанций, с другой – приближения судов к населению (в России это районные и городские суды, а также мировая юстиция). Замкнутая на центр судебная система имеет ряд существенных преимуществ. Для современной России во многом характерны признаки централизации, этатизма и концентрации публичной власти, что соответствует ряду устойчивых государственных традиций. Вместе с тем судебная система не может быть полностью централизованной, особенно если рассматривать данный комплекс явлений с учетом конституционного требования доступности правосудия. Судоустройство нуждается в «приближенности к населению» на основе общеправового принципа субсидиарности.

Ключевые слова: правосудие; права человека; доступ к правосудию; справедливый суд; судебная защита; публичная власть; конституционализм

© Волченко О. Ю., 2025

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0.
Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Power of Access to Justice in Design Subjective Constitutional Right to Judicial Protection

O. Yu. Volchenko

All-Russian Academy of Foreign Trade
of the Ministry of Economic Development
of the Russian Federation
6a, Vorobyovskoe shosse, Moscow, 119285, Russia

E-mail: olegvolchenko@mail.ru

Abstract: the article is devoted to the study of a number of theoretical and practical problems related to ensuring access to justice for rights holders. The author defends the view that there is institutional competition between trends, on the one hand, the dominance of federal courts in the judicial system and the centralization of the judicial system, the expansion of the network of appellate and cassation instances, on the other hand, bringing the courts closer to the population (in Russia these are district and city courts, as well as world justice). A centralized judicial system has a number of significant advantages. Modern Russia is largely characterized by signs of centralization, statism and concentration of public power, which corresponds to a number of stable state traditions. At the same time, the judicial system cannot be completely centralized, especially if we take into account this complex of phenomena from the point of view of the constitutional requirement of accessibility of justice. The judicial system needs "closeness to the population" based on the general legal principle of subsidiarity.

Keywords: justice; human rights; access to justice; fair trial; judicial protection; public power; constitutionalism

Доступ к правосудию является важнейшей гарантией обеспечения конституционно-правовыми и процессуальными средствами полноты и эффективности судебной защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина. В самом общем виде это связано с судоустройством (достаточная разветвленность системы судов); подведомственностью и подсудностью (их определение исключительно законом, недопустимость произвольного усмотрения и споров о подсудности); институтом сроков давности, по истечении которых доступ к суду ограничивается; беспрепятственной возможностью правообладателя обратиться в надлежащий суд с соблюдением установленных процессуальных форм; правом быть выслушанным в суде; гарантированной законом возможностью представлять доказательства в свою пользу и опровергать доказательства процессуального оппонента; правом на движение дела (осуществление правосудия в разумные сроки, недопустимость произвольного затягивания процесса, волокиты); правом на обжалование в апелляцион-

ном и кассационном порядке¹ и др.² При такой постановке проблемы может сложиться впечатление, что право на доступ к правосудию и право на судебную защиту конституционных прав и свобод являются если не тождественными, то весьма близкими по своему юридическому содержанию³.

Отчасти данную точку зрения поддерживает Конституционный Суд Российской Федерации (КС РФ), который сформулировал позицию о широком истолковании права на доступ к правосудию: оно включает не только «право на обращение в суд», но также «возможность получения реальной судебной защиты» (постановления № 9-П от 1998 г.⁴, № 3-П от 2016 г.⁵, № 30-П от 2017 г.⁶, № 24-П от 2019 г.⁷ и др.). При этом КС РФ указал на необходимость использования в правоприменительной практике такой концепции, как «право на универсальную судебную защиту» (постановления № 7-П от 1995 г.⁸, № 4-П от 1999 г.⁹ и др.). При данном подходе порождается неопределенность в вопросе о содержании конституционного права на судебную защиту

¹ Имеются основания полагать, что право на судопроизводство в течение разумного срока и право на обжалование и пересмотр судебных решений характеризуют не только доступность правосудия, но также эффективность восстановления в нарушенных или оспариваемых правах.

² См., например: Савинова А. В. Судебные расходы как препятствие к осуществлению принципа доступности правосудия // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. Т. 4, № 3. С. 153–156.

³ См.: Гибадатов У. И., Гараева А. Ф. К вопросу о соотношении понятий «судебная защита» и «доступ к правосудию» в механизме защиты прав человека // Актуальные вопросы права, экономики и управления: сб. ст. XVI Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 5 декабря 2018 г.); в 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. С. 106–109; Маннников Д. И. Право человека на судебную защиту и доступ к правосудию // Права человека в современном мире: традиционные ценности и новые вызовы: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Декларации прав человека 10 декабря 1948 года (Тамбов, 13 декабря 2022 г.). Тамбов: Изд-во Першина Р. В., 2023. С. 116–117.

⁴ По делу о проверке конституционности статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и статьи 123 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 16 марта 1998 г. № 9-П.

⁵ По делу о проверке конституционности положений части 9 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Е. В. Потоцкого: постановление Конституционного Суда РФ от 15 февр. 2016 г. № 3-П.

⁶ По делу о проверке конституционности положений статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Ченского: постановление Конституционного Суда РФ от 21 нояб. 2017 г. № 30-П.

⁷ По делу о проверке конституционности положений пункта 5 части 4 статьи 5 и пункта 6 части 3 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с жалобой гражданина В. А. Тетерина: постановление Конституционного Суда РФ от 18 июня 2019 г. № 24-П.

⁸ По делу о проверке конституционности абзаца 2 части седьмой статьи 19 Закона РСФСР от 18 апреля 1991 года «О милиции» в связи с жалобой гражданина В. М. Минакова: постановление Конституционного Суда РФ от 6 июня 1995 г. № 7-П.

⁹ По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 3 февраля 1996 года «О банках и банковской деятельности» в связи с жалобами граждан О. Ю. Веселяшкиной, А. Ю. Веселяшкина и Н. П. Лазаренко: постановление Конституционного Суда РФ от 23 февр. 1999 г. № 4-П.

и права на доступ к правосудию, возникают теоретико-методологические предпосылки к неоправданному смешению или отождествлению этих конституционно-правовых категорий.

Конституционный Суд РФ в мотивировочных частях своих конституционно-правоприменительных актов существенным образом варьирует терминологию, вследствие чего зачастую сложно выяснить подлинную сущность системы его правовых позиций в данной сфере конституционной юриспруденции. В одних случаях речь идет о «доступе к правосудию», в других – о доступе к «механизмам» правосудия (постановление № 13-П от 2024 г.¹⁰). КС РФ утверждает необходимость «упрощать» доступ к правосудию, исключая «необоснованные и чрезмерные обременения» (постановление № 26-П от 2024 г.¹¹), с тем чтобы доступ к правосудию не был «затруднен» (постановление № 26-П от 2023 г.), и вместе с тем настаивает на важности «беспрепятственного» доступа к правосудию (постановление № 5-П от 2023 г.¹²).

Данная проблема известна юридической науке применительно к вопросам об ограничениях и нарушениях конституционных прав и свобод по смыслу части 3 статьи 55 Конституции РФ¹³, о дифференциации абсолютных и относительных конституционных прав (первые, в отличие от вторых, не подлежат ограничениям)¹⁴. Если право на судебную защиту позиционируется как «универсальное», а доступ к правосудию – как «беспрепятственный», становится весьма непросто обосновать допустимость такого законодательного регулирования доступа к правосудию, которое устанавливало бы «условия и порядок реализации права на судебное обжалование» (постановление № 5-П от 2023 г.). В случае с беспрепятственностью всякие «затруднения» и «обременения» должны были бы исключаться как противоправные¹⁵.

Полагаем, что тезис Конституционного Суда РФ о необходимости упрощения доступа к правосудию находится в некотором противоречии с концепцией его беспрепятственности: если доступ беспрепятден, его невозможно упростить; если имеются

¹⁰ По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 20, частей первой и второй статьи 31, части четвертой статьи 147, частей первой и третьей статьи 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г. И. Баскаевой: постановление Конституционного Суда РФ от 28 марта 2024 г. № 13-П.

¹¹ По делу о проверке конституционности части 1 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е. М. Туманиной: постановление Конституционного Суда РФ от 28 мая 2024 г. № 26-П.

¹² По делу о проверке конституционности статьи 1, пункта 1 статьи 2 и пункта 2 статьи 138 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н. Н. Налевой: постановление Конституционного Суда РФ от 31 янв. 2023 г. № 5-П.

¹³ Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.).

¹⁴ См.: Астафьев П. А. Гуманистический и демократический потенциал Конституции Российской Федерации 1993 года: от основания к историко-правовому осмысливанию в связи с ее 30-летием // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 6. С. 70–79.

¹⁵ См.: Зарубина М. Н. О законодательных уловках ограничения права на обращение в суд с исками о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство или исполнение судебного акта в разумный срок // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14, вып. 2, ч. 1. С. 349–356.

обстоятельства, которые следует упрощать, такой доступ не может считаться беспрепятственным. Фактически КС РФ поддерживает ограничительное истолкование доступности правосудия, подчеркивая «требование разумной соразмерности между используемыми средствами и поставленной целью» при законодательном регулировании данного конституционного права (постановление № 43-П от 2018 г.¹⁶). В связи с этим принцип беспрепятственности доступа к правосудию представляется юридически неточным, отчасти вводящим в заблуждение судебную систему и правообладателей.

О верности этого предположения свидетельствует практика КС РФ, особенно если анализировать ее с заявленных (не обязательно поддержанных Судом) позиций спорящих сторон. Из описательных частей конституционно-правоприменительных актов следует, например, что заявители понимали право на доступ к правосудию настолько широко, что ставили под конституционное подозрение институт давности уголовного преследования (постановление № 4-П от 2017 г.¹⁷), дискрецию право-применительных органов в вопросе о признании лица потерпевшим по уголовному делу (постановление № 18-П от 2022 г.¹⁸) и др. Полагаем, что доступ к правосудию не должен интерпретироваться столь упрощенно, чтобы приводить к опровержению традиционных правовых институтов подведомственности, подсудности, давности, процессуальных требований к обращению и т.п. (безусловно, КС РФ такое не подразумевает, но в жизнедеятельности юридического сообщества и граждан-правообладателей подобное предубеждение может сложиться). Доступ к правосудию, если его анализировать комплексно и на серьезной теоретико-методологической основе, не может позиционироваться в качестве беспрепятственного (в отличие, например, от достоинства личности, которое абсолютно в том смысле, что законодатель не вправе легализовать унижение, оскорбление, клевету, жестокое обращение, истязание, пытки в силу требований статьи 21 Конституции РФ)¹⁹.

Конституционный Суд РФ в правоприменительной практике по делам, связанным с обеспечением доступа к правосудию, конкретизировал ряд важных аспектов в содержании данной конституционно-правовой категории. Во всяком случае, с правом на доступ к правосудию, по мнению КС РФ, связаны препятствия для дальнейшего движения дела (постановление № 16-П от 2022 г.²⁰), правовая неопределенность

¹⁶ По делу о проверке конституционности части первой статьи 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. Б. Болчинского и Б. А. Болчинского: постановление Конституционного Суда РФ от 16 ноября 2018 г. № 43-П.

¹⁷ По делу о проверке конституционности положений пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Ю. Глазкова и В. Н. Степанова: постановление Конституционного Суда РФ от 2 марта 2017 г. № 4-П.

¹⁸ По делу о проверке конституционности части первой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. О. Никитина: постановление Конституционного Суда РФ от 12 мая 2022 г. № 18-П.

¹⁹ См.: Куэнцов А. А., Илджеев В. Д. Проблемы реализации и защита конституционного права на достоинство личности // Юридическая гносеология. 2023. № 4. С. 57–62.

²⁰ По делу о проверке конституционности части первой статьи 110 и статьи 389.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также Постановления Правительства Российской Федерации «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых

в вопросе о подсудности (постановление № 6-П от 2022 г.²¹). Обеспечение доступа к правосудию «должно сочетаться» с другими конституционными гарантиями, не поглощая их в юридическом содержании, – в частности, если речь идет о «справедливом обращении и признании достоинства» (постановление № 45-П от 2021 г.²²), о дополнительных гарантиях доступности правосудия через адвоката или другого судебного представителя при отсутствии возможности личного участия правообладателя в судебном процессе (постановление № 18-П от 2021 г.²³). Важно, чтобы при этом не обесценивалась сама возможность доступа к правосудию – в частности, тяжесть обременений не должна «обессмыслять достигнутые процессуальные результаты» (постановление № 20-П от 2017 г.²⁴).

Приведенная практика свидетельствует о довольно широкой интерпретации Конституционным Судом РФ доступа к правосудию, что в целом имеет под собой, на наш взгляд, достаточные теоретико-методологические основания. Вместе с тем доступ к правосудию не следует отождествлять с конституционным институтом судебной защиты прав и свобод человека и гражданина. В предлагаемой нами концепции самостоятельными и обособленными конституционно-правовыми институтами являются: во-первых, конституционные средства обеспечения справедливого, независимого и беспристрастного правосудия; во-вторых, гласность судебного разбирательства как гарантия полноты и эффективности судебной защиты прав человека; в-третьих, конституционно-правовые средства эффективного восстановления в правах компетентным судом. Несмотря на определенную корреляцию с конституционным институтом доступа к правосудию, вышеуказанные подсистемы конституционно-правовых норм нуждаются в институциональной обособленности.

Так, конституционные средства обеспечения справедливого, беспристрастного и независимого правосудия связаны с доступом к правосудию, но не тождественны

в совершении преступлений» в связи с жалобой гражданки Н. И. Мургиной: постановление Конституционного Суда РФ от 19 апр. 2022 г. № 16-П.

²¹ По делу о проверке конституционности статьи 242 и частей первой и третьей статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. С. Мамонтова: постановление Конституционного Суда РФ от 15 февр. 2022 г. № 6-П.

²² По делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. Ф. Шиловского: постановление Конституционного Суда РФ от 26 окт. 2021 г. № 45-П.

²³ По делу о проверке конституционности части третьей статьи 131 и статьи 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 30 Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Э. Р. Юровских: постановление Конституционного Суда РФ от 13 мая 2021 г. № 18-П.

²⁴ По делу о проверке конституционности положений статьи 111, части 5 статьи 247 и пункта 2 части 1 статьи 248 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, частей 1 и 2 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Н. Б. Слободянник и федерального государственного бюджетного учреждения «Российский сельскохозяйственный центр»: постановление Конституционного Суда РФ от 11 июля 2017 г. № 20-П.

ему. В государственно-правовой системе могут быть созданы комплексные гарантии справедливого, независимого и беспристрастного суда, однако в отсутствие доступности правосудия они обречены на бездействие, не говоря уже о ненадлежащей эффективности, продуктивности и результативности. Аналогичные рассуждения можно применить к анализу институционального значения гласности правосудия и эффективного восстановления в нарушенных правах. Их общая черта в том, что они раскрывают содержание конституционного института *судебной защиты* прав и свобод человека и гражданина, но не *доступа к правосудию*. Последнее – важное и существенное условие судебной защиты, которое не является единственным.

Доступ к правосудию обеспечивается прежде всего адекватной историко-правовым традициям и актуальным потребностям современной жизни *системой судов*, их «развернутостью», «разветвленностью» с учетом имеющегося административно-территориального деления и других конституционно значимых обстоятельств²⁵. Количество судей и судов, сеть судебных органов – важная государственно-правовая проблема, которая подлежит разрешению с учетом не только текущих предпочтений депутатского корпуса как законодателей и финансовых возможностей публичного бюджета, но и достижений юридической науки, поскольку нуждается в доктринальном обосновании²⁶. При недостаточно развернутой сети судебных органов доступ к правосудию нельзя считать закрытым, он лишь ограничен. Однако реальность получения судебной защиты в подобных обстоятельствах ставится под существенное конституционное сомнение²⁷.

Чтобы раскрыть гражданам доступ к правосудию, законодатель конституционно обязан гарантировать возможность эффективного практического пользования *судебной системой в правозащитных целях*. Судоустройство и структура судебной системы в нашей стране претерпели ряд стадий эволюции и реформирования, зачастую на основе методологии полного отрицания предыдущей модели – например, в первые годы советской власти наблюдалась тенденция к слому имперского государственного аппарата. Нормативные правовые акты, имевшие судоустройственный характер, менялись и в постсоветской России. Особенно это связано с такими обстоятельствами, как учреждение Комитета конституционного надзора СССР, его последующая трансформация в Конституционный Суд РФ²⁸, преобразование советского арбитража в систему арбитражных судов с самостоятельным высшим органом –

²⁵ См.: Гейдаров Ф. Ф. Конституционные принципы судоустройства и судопроизводства: проблемы и пути совершенствования судебной власти // Актуальные проблемы современной юридической науки и практики: сб. ст. по итогам XIX Междунар. науч.-практ. студ. конф. / под ред. Е. Е. Черных, М. В. Барановой, К. В. Каргина. Ч. 3. М.: РУСАЙНС, 2023. С. 163–166.

²⁶ См.: Ершов В. В. Конституционные проблемы судоустройства и судопроизводства // Государство и право. 1994. № 12. С. 46–53.

²⁷ См.: Дзюоник В. Р. Роль конституционной поправки в сфере урегулирования вопроса судоустройства в Российской Федерации // Ученые записки юридического факультета. 2021. № 1. С. 11–13.

²⁸ См.: Астафьев П. А. Комитет конституционного надзора СССР в государственно-правовой истории России: опыт правового регулирования организации и деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 4. С. 10–16.

Высшим Арбитражным Судом РФ, затем его упразднение путем конституционных поправок и передача его полномочий Верховному Суду РФ²⁹. Важную роль сыграло учреждение мировой юстиции (мировые судьи функционировали в дореволюционной России, однако в СССР были упразднены)³⁰, появление апелляционных и кассационных судов в структуре судов общей юрисдикции и арбитражного правосудия. Конституционные (уставные) суды субъектов Федерации длительное время пребывали в состоянии незавершенного государственно-правового строительства (в республиках они учреждались, в других субъектах РФ организовывались крайне редко, вплоть до трех субъектов Федерации – Санкт-Петербурга, Свердловской и Калининградской областей) и в конечном итоге были ликвидированы вследствие конституционных поправок 2020 года³¹.

Следует учитывать, что для России в большей степени характерны романо-германские, чем англо-саксонские правовые традиции. Европейское континентальное судоустройство имеет устойчивую тенденцию к разветленности правосудия (например, общегражданская, административная, трудовая, социальная, финансово-юстиция в Германии; специализированные суды для несовершеннолетних, трудовых споров, сельского хозяйства, социального страхования и торговли во Франции). При этом институционально конкурируют две противоположные друг другу тенденции: с одной стороны, доминирование федеральных судов в судоустройстве и централизация судебной системы, расширение сети апелляционных и кассационных инстанций³², с другой – приближение судов к населению (в России это районные и городские суды, а также мировая юстиция)³³.

Замкнутая на центр судебная система имеет ряд существенных преимуществ. Для современной России во многом характерны признаки централизации, этатизма и концентрации публичной власти, что соответствует ряду устойчивых государственных традиций³⁴. Централизованное судоустройство позволяет эффективно разрешать проблему устранения противоречий в толковании нормативных правовых актов посредством судебной интерпретации, применения аналогии закона и права. Единство судебной практики в значительной степени способствует повышению доверия граждан к суду и действиям государства, устранивая «местничество» в правосудии, негативные

²⁹ См.: Заикин С. С. Высший Арбитражный Суд: данные удалены // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 5. С. 109–129.

³⁰ См.: Крупенко М. Р. Институт мировых судей Российской Федерации как преемник мирового суда по реформе 1864 года // Общество в эпоху перемен: современные тенденции развития: материалы Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (Новосибирск, 24–26 ноября 2014 г.). Ч. II. Новосибирск: Изд-во СиБАГС, 2014. С. 248–249.

³¹ См.: Клеандров М. И. Конституционные (уставные) суды субъектов РФ или конституционные (уставные) советы: следовало ли упразднять эти суды? // Российский судья. 2023. № 10. С. 41.

³² См.: Алиев Т. Т., Яценко А. О., Золотухин А. Д. Реформа гражданского процесса: апелляционные и кассационные суды общей юрисдикции // Актуальные проблемы государства и права. 2019. Т. 3, № 12. С. 573–580.

³³ См.: Борисова В. Ф. Судоустройственные гарантии доступности правосудия при обращении в суд общей юрисдикции // Право. Законодательство. Личность. 2013. № 1. С. 13–19.

³⁴ См.: Бабушкин Р. В. Этатизм как функциональная парадигма деятельности государственных органов современной России // Право и политика. 2012. № 12. С. 1965–1971.

явления коррупции и иных злоупотреблений «на местах». С другой стороны, судебная система не может быть полностью централизованной, особенно если учитывать данный комплекс явлений с точки зрения конституционного требования доступности правосудия. В некоторой степени аналогично конституционному институту местного самоуправления судоустройство нуждается в «приближенности к населению» на основе общеправового принципа *субсидиарности* (полномочия должны быть переданы тому органу или на тот уровень публичной власти, которые способны реализовать их наиболее эффективным образом)³⁵.

Доступность правосудия органически связана с проблемой перегруженности судов³⁶, что подлежит эффективному мониторингу на основе методики количества дел, рассматриваемых в среднем одним судьей за определенный промежуток времени (единолично, в составе коллегии или в качестве председательствующего при отправлении правосудия с участием присяжных заседателей). В случае перегруженности судебной системы находящимися в производстве судебными делами оказываются под угрозой существенные конституционные признаки и показатели эффективности судебной защиты прав и свобод граждан (такое правосудие не может считаться не только доступным, но также справедливым, беспристрастным, эффективно восстанавливающим в правах).

Для защиты юстиции от перегруженного состояния в государственно-правовой деятельности и юридической науке предлагаются различные пути и решения. Одно из таких решений – дальнейшее наращивание судебского корпуса и углубление специализации судов³⁷. При несомненной привлекательности для цели обеспечения выработанного Конституционным Судом РФ принципа универсальности судебной защиты это чревато дополнительными расходами средств главным образом федерального бюджета. Альтернативный путь – снижение законодательных требований кворума для состава, присутствия и принятия решений судьями, сокращение числа промежуточных судебных инстанций, экспансия досудебных способов разрешения правовых споров, активизация процедур медиации³⁸. Последние два направления, полагаем, возможны исключительно на добровольной основе, вследствие свободной воли тяжущихся сторон, исходящих из оценки рисков последующего судебного разбирательства, при активной роли адвокатов, прокуроров и иных профессиональных

³⁵ См.: Синцов Г. В. Принцип субсидиарности как основополагающий принцип сотрудничества внутри федеративного государства (на примере Федеративной Республики Германия) // Современная научная мысль. 2017. № 3. С. 211–215.

³⁶ См.: Уильямс С. Проблема перегруженности суда не имеет простого решения // Закон. 2010. № 5. С. 7–12.

³⁷ См.: Фокеев С. С. Суд по интеллектуальным правам – первый специализированный арбитражный суд в России: история и факторы создания, международный опыт // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. Т. 6, № 6. С. 126–130; Овчинин М. А. Специализированные суды в системе судов общей юрисдикции в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 8.

³⁸ Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федер. закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ: принят Гос. Думой 7 июля 2010 г.: одобрен Советом Федерации 14 июля 2010 г. (ред. от 26.07.2019).

участников в механизме разрешения правовых споров и разногласий³⁹. В противном случае окажется нарушенным фундаментальный конституционный принцип доступа к правосудию, который последовательно отстаивается и защищается Конституционным Судом РФ в его современной интерпретации⁴⁰.

При определении судебной юрисдикции, в силу ряда объективных причин, находятся в конкурирующем состоянии принципы *дифференциации и интеграции*. На этот процесс влияют многие факторы, включая правовую культуру, исторические тенденции и традиции, актуальные потребности современной государственно-правовой жизни, финансовые возможности бюджета, уровень социально-экономического развития страны, а также степень распространенности соответствующих категорий дел в судебной практике⁴¹. Так, возрождение мировой юстиции в постсоветской России было во многом обусловлено перегруженностью районных и городских судов общей юрисдикции и необходимостью приближения судей к населению в границах судебных участков. В свою очередь, ликвидация конституционной (уставной) юстиции в субъектах Федерации была вызвана недостаточной распространенностью соответствующих дел в судебной практике, неадекватной нагрузкой судей республиканских конституционных и уставных судов.

Специализация в судебной системе может достигаться не только за счет дифференциации судебных органов. Возможен и противоположный метод, связанный со специализацией судей в составе единого судебного органа власти⁴². Несмотря на «англо-саксонскую» юридическую природу (а именно так в основном организуется юстиция в Соединенном Королевстве, США и ряде других стран англо-саксонского права), современная Россия не исключает подобную методологию полностью. Об этом свидетельствует и упразднение Высшего Арбитражного Суда РФ с передачей его полномочий Верховному Суду РФ, и институционализация судебного административного процесса⁴³ без сопровождающих организационно-структурных преобразований в судоустройстве (административные дела подведомственны главным образом судам общей юрисдикции, основная функция которых разрешение уголовных и гражданских дел), и недостаточно активное учреждение структурных единиц специализиро-

³⁹ См.: Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации: Федер. закон от 29 дек. 2015 г. № 382-ФЗ: принят Гос. Думой 15 дек. 2015 г.: одобрен Советом Федерации 25 дек. 2015 г. (ред. от 08.08.2024).

⁴⁰ См.: Самович Ю. В., Шарифуллин Р. А. Ограничение права на доступ к правосудию в практике европейских судебных органов и Конституционного Суда РФ // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. 2020. № 15. С. 156–163.

⁴¹ См.: Абанина Е. Н., Петров Д. Е. Проявление дифференциации и интеграции в системе права в условиях реализации в Российской Федерации концепции устойчивого развития // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 5. С. 158–162.

⁴² См.: Михайлова А. А. Влияние специализации судей на эффективность распределения гражданских дел в судах // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 8. С. 19–23; Грибов Н. Д. Аргументы за специализацию деятельности судей при осуществлении правосудия (на примере корпоративных споров) // Российская юстиция. 2021. № 6. С. 14–18.

⁴³ См.: Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федер. закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ: принят Гос. Думой 20 февр. 2015 г.: одобрен Советом Федерации 25 февр. 2015 г. (ред. от 07.07.2025).

ванной юстиции (за исключением военных судов⁴⁴, традиционно организованных в современной России вследствие историко-правового опыта СССР).

Своего рода исключение представляет собой институт Суда по интеллектуальным спорам в системе арбитражных судов. Данный инструмент судебной защиты предусмотрен статьей 26.1 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации»⁴⁵ для реализации интеллектуальных прав в качестве первой и кассационной инстанций. Более подробное регулирование характерно для главы IV.1 Федерального конституционного закона «Об арбитражных судах в Российской Федерации»⁴⁶ и статьи 34 Арбитражного процессуального кодекса РФ⁴⁷ (где определяется подсудность дел). Похожая концепция разрабатывалась еще в СССР в форме учреждения Патентного суда: были приняты отдельные союзные законы «Об изобретениях в СССР»⁴⁸, «О промышленных образцах»⁴⁹, «О товарных знаках и знаках обслуживания»⁵⁰, однако их не ввели в действие. Планировавшийся к изданию закон СССР «О Патентном суде СССР» так и не был принят. В качестве возможного институционального конкурента Суду по интеллектуальным спорам в постсоветской России обсуждался вопрос об учреждении Высшей патентной палаты РФ – независимого административного органа с квазисудебными функциями, в котором могли бы обжаловаться решения Роспатента, осуществляться экспертиза заявок и оспариваться охранные документы. В конечном итоге возобладала романо-германская тенденция к институционализации специализированных судов, что среди прочего способствовало расширению конституционно-правовых гарантий доступа правообладателей интеллектуальной собственности к правосудию.

Конституционное право на доступ к правосудию связано с проблемой сроков давности. В наиболее яркой форме это проявляется в гражданском и трудовом праве, в меньшей степени – в уголовном праве и в законодательстве об административных правонарушениях. Так, гражданско-правовой институт исковой давности (ст. 196 ГК РФ⁵¹), будучи инструментом материального (не гражданско-процессуального) права, в то же время по своей природе ограничивает конституционное право на доступ

⁴⁴ См.: О военных судах Российской Федерации: Федер. конституционный закон от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ: принят Гос. Думой 20 мая 1999 г.: одобрен Советом Федерации 9 июня 1999 г. (ред. от 28.12.2024).

⁴⁵ О судебной системе Российской Федерации: Федер. конституционный закон от 31 дек. 1996 г. № 1-ФКЗ: принят Гос. Думой 23 окт. 1996 г.: одобрен Советом Федерации 26 дек. 1996 г. (ред. от 23.07.2025).

⁴⁶ Об арбитражных судах в Российской Федерации: Федер. конституционный закон от 28 апр. 1995 г. № 1-ФКЗ: принят Гос. Думой 5 апреля 1995 года: одобрен Советом Федерации 12 апр. 1995 г. (ред. от 31.07.2023).

⁴⁷ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ: принят Гос. Думой 14 июня 2002 г.: одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 г. (ред. от 01.04.2025).

⁴⁸ Об изобретениях в СССР: Закон СССР от 31 мая 1991 г. № 2213-I.

⁴⁹ О промышленных образцах: Закон СССР от 10 июля 1991 г. № 2328-I.

⁵⁰ О товарных знаках и знаках обслуживания: Закон СССР от 3 июля 1991 г. № 2293-I.

⁵¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. (ред. от 31.07.2025).

к правосудию по смыслу части 3 статьи 55 Конституции РФ⁵². Исковая давность в гражданском праве устанавливается императивно законом и не может пересматриваться соглашением сторон, однако судебное применение срока исковой давности обусловлено инициативой правообладателя, который должен для этого заявить соответствующее ходатайство. Очевидно, что его заявление ограничивает право процессуального оппонента на доступ к правосудию и тем самым на судебную защиту. Суд может восстановить срок давности, если посчитает причины его пропускауважительными, в остальных случаях заявленное ходатайство подлежит удовлетворению.

С конституционно-правовой точки зрения здесь нет нарушения права на доступ к правосудию, наблюдается лишь его допустимое ограничение. Однако конституционный контроль законодательства об исковой давности не исчерпывается проверкой и оценкой данного института самого по себе. Конституционное значение имеют, во-первых, цели данного института (соответствуют ли они основам конституционного строя государства); во-вторых, продолжительность сроков (не являются ли они излишне сокращенными либо, напротив, чрезмерно расширенными); в-третьих, дискреция законодателя в вопросе о дифференциации срока исковой давности в зависимости от юридически значимых обстоятельств (в одних случаях законодатель их сокращает, в других – увеличивает, что не должно быть произвольным и, напротив, мотивироваться разумными и объективными основаниями).

В сущности, данная проблема с конституционно-правовой точки зрения характерна и для конституционно-судебной оценки давности привлечения к ответственности за административные правонарушения – статья 4.5 Кодекса РФ об административных правонарушениях⁵³ (срок давности варьируется от 60 дней до шести лет), освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности – статья 78 Уголовного кодекса РФ⁵⁴ (в зависимости от тяжести преступления имеется дифференциация сроков от двух до 15 лет), срока давности привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения – статья 113 Налогового кодекса РФ⁵⁵ (по общему правилу он составляет три года). Здесь, конечно, не так явно ограничивается доступ правообладателей к правосудию, поскольку инициатива при-

⁵² См.: Дураев Т. А., Исмаилова Д. А. Правовые позиции Конституционного Суда РФ по вопросам применения сроков исковой давности: гражданско-правовой аспект // Право и правоохранительная деятельность: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, практических сотрудников, студентов, аспирантов (Саратов, 28 апреля 2017 г.). Саратов: Саратовский источник, 2017. С. 61–63.

⁵³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ: принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 26 дек. 2001 г. (ред. от 31.07.2025).

⁵⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. (ред. от 31.07.2025).

⁵⁵ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ: принят Гос. Думой 16 июля 1998 г.: одобрен Советом Федерации 17 июля 1998 г. (ред. от 29.11.2024); Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федер. закон от 5 авг. 2000 г. № 117-ФЗ: принят Гос. Думой 19 июля 2000 г.: одобрен Советом Федерации 26 июля 2000 г. (ред. от 31.07.2025).

влечения виновных лиц к административной, уголовной или налоговой ответственности принадлежит государству в лице его уполномоченных органов. Но если посмотреть на ту же проблему с точки зрения конституционных прав потерпевших от правонарушений, наблюдается ограничение их права на доступ к правосудию⁵⁶.

В трудовом и служебном праве также наблюдается конституционно допустимое ограничение права на доступ к правосудию, обусловленное течением соответствующих сроков. При этом законодательная формулировка более явно свидетельствует, что речь идет именно об исключении возможности судебной защиты, ограниченной пресечением доступа к правосудию. Так, статья 392 Трудового кодекса РФ⁵⁷ говорит о наличии не «срока исковой давности» (как это сформулировано в гражданском законодательстве), но «срока обращения в суд по трудовым делам» (по общему правилу – три месяца со дня, когда работник узнал или должен был узнать о нарушении своего права; один месяц – со дня увольнения; в течение одного года – по спорам о заработной плате). Как установил Конституционный Суд РФ в постановлении № 35-П от 2020 г.⁵⁸, положения статьи 392 Трудового кодекса РФ «послужили образцом (моделью) для правового регулирования разрешения служебных споров». Во всяком случае, законодательство о службе в органах внутренних дел⁵⁹, о службе в уголовно-исполнительной системе⁶⁰ и т.д. установило тождественные сроки (три месяца для индивидуальных споров и один месяц в случае увольнения со службы). Каковы же конституционные цели темпоральных ограничений⁶¹ доступа правообладателей к правосудию? По каким именно причинам это столь устойчиво складывается в законодательной и правоприменительной практике?

Анализ специальной юридической литературы по данной проблеме показывает, что чаще всего авторы склоняются к аргументации на основе *широкоты дискреции законодателя и устойчивости правовой традиции*, что дает ей своего рода «приобретательную давность»⁶². Та же тенденция характерна и для мотивировочных

⁵⁶ См.: Варлаховская Е. М. Конституционные основы защиты прав потерпевших в уголовном судопроизводстве // 20 лет Конституции РФ: сб. ст. М.: [Б.и.], 2013. С. 192–195.

⁵⁷ Трудовой кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ: принят Гос. Думой 21 дек. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 26 дек. 2001 г. (ред. от 31.07.2025).

⁵⁸ По делу о проверке конституционности части первой статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р. М. Четыза: постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2020 г. № 35-П.

⁵⁹ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 30 нояб. 2011 г. № 342-ФЗ: принят Гос. Думой 17 нояб. 2011 г.: одобрен Советом Федерации 25 нояб. 2011 г. (ред. от 28.12.2024).

⁶⁰ О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 1 окт. 2019 г. № 328-ФЗ: принят Гос. Думой 19 сент. 2019 г.: одобрен Советом Федерации 25 сент. 2019 г. (ред. от 07.07.2025).

⁶¹ См.: Бородинова Т. Г. Право граждан на свободный доступ к правосудию: понятие, содержание, субъекты // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 11. С. 89.

⁶² См., например: Давыдов К. В. Дискреция и ошибки законодателя // Журнал административного судопроизводства. 2017. № 2. С. 57–65; Шишкина О. Е. Пределы конституционного кон-

частей ряда постановлений Конституционного Суда РФ. В частности, в постановлении № 35-П от 2020 г. КС РФ установил, что, несмотря на явную непродолжительность сроков статьи 392 Трудового кодекса РФ по сравнению со сроками исковой давности в гражданском праве, они «не могут быть признаны неразумными и несоразмерными», поскольку позволяют оптимально согласовать интересы сторон в трудовых отношениях. По своей продолжительности, считает Конституционный Суд РФ, эти сроки достаточны, так как они способствуют «быстрому и эффективному восстановлению нарушенных прав работника», тем более при условии, что при наличии уважительных причин пропущенный срок может быть восстановлен судом.

Подлинные мотивы законодателя при ограничении доступа к правосудию по темпоральным основаниям, однако, являются более широкими, чем это обусловлено волей парламентариев и правовой традицией. Важное значение, на наш взгляд, здесь имеют, во-первых, факторы усложняющегося со временем сбора доказательств и установления фактических обстоятельств судебных дел; во-вторых, стремление законодателя к повышению дисциплины участников правоотношений и стимулированию максимально оперативного обращения правообладателей за помощью к правосудию; в-третьих, утрата с течением времени актуальности обстоятельств юридического дела. Последний фактор, несмотря на свою спорность и преобладающее критическое отношение в научной литературе, все же имеет место, хотя и не является определяющим в законодательной конструкции сроков давности.

Библиографический список

Абанина Е. Н., Петров Д. Е. Проявление дифференциации и интеграции в системе права в условиях реализации в Российской Федерации концепции устойчивого развития // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 5. С. 158–162. DOI: 10.24412/2227-7315-2023-5-158-162.

Алиев Т. Т., Яценко А. О., Золотухин А. Д. Реформа гражданского процесса: апелляционные и кассационные суды общей юрисдикции // Актуальные проблемы государства и права. 2019. Т. 3, № 12. С. 573–580. DOI: 10.20310/2587-9340-2019-3-12-573-580.

Астафьев П. А. Гуманистический и демократический потенциал Конституции Российской Федерации 1993 года: от основания к историко-правовому осмыслинию в связи с ее 30-летием // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 6. С. 70–79. DOI: 10.24412/2227-7315-2023-6-70-79.

Астафьев П. А. Комитет конституционного надзора СССР в государственно-правовой истории России: опыт правового регулирования организации и деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 4. С. 10–16. DOI: 10.35750/2071-8284-2022-4-10-16.

Бабушкин Р. В. Этатизм как функциональная парадигма деятельности государственных органов современной России // Право и политика. 2012. № 12. С. 1965–1971.

троля в соотношении с дискрецией законодателя (на основе практики Конституционного Суда Российской Федерации) // Журнал конституционного правосудия. 2019. № 4. С. 9–19.

Борисова В. Ф. Судоустраничные гарантии доступности правосудия при обращении в суд общей юрисдикции // Право. Законодательство. Личность. 2013. № 1. С. 13–19.

Бородинова Т. Г. Право граждан на свободный доступ к правосудию: понятие, содержание, субъекты // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 11. С. 89–92. DOI: 10.24158/реп.2017.11.19.

Варпаховская Е. М. Конституционные основы защиты прав потерпевших в уголовном судопроизводстве // 20 лет Конституции РФ: сб. ст. / авт. кол. под рук. Т. Л. Козлова; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М.: [Б.и.], 2013.

Гейдаров Ф. Ф. Конституционные принципы судоустройства и судопроизводства: проблемы и пути совершенствования судебной власти // Актуальные проблемы современной юридической науки и практики: сб. ст. по итогам XIX Междунар. науч.-практ. студ. конф. / под ред. Е. Е. Черных, М. В. Барановой, К. В. Каргина. Ч. 3. М.: РУСАЙНС, 2023. С. 163–166.

Гибадатов У. И., Гараева А. Ф. К вопросу о соотношении понятий «судебная защита» и «доступ к правосудию» в механизме защиты прав человека // Актуальные вопросы права, экономики и управления: сб. ст. XVI Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 5 декабря 2018 г.): в 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. С. 106–109.

Грибов Н. Д. Аргументы за специализацию деятельности судей при осуществлении правосудия (на примере корпоративных споров) // Российская юстиция. 2021. № 6. С. 14–18.

Давыдов К. В. Дискреция и ошибки законодателя // Журнал административного судопроизводства. 2017. № 2. С. 57–65.

Дзюнин В. Р. Роль конституционной поправки в сфере урегулирования вопроса судоустройства в Российской Федерации // Ученые записки юридического факультета. 2021. № 1. С. 11–13.

Дураев Т. А., Исмаилова Д. А. Правовые позиции Конституционного Суда РФ по вопросам применения сроков исковой давности: гражданско-правовой аспект // Право и правоохранительная деятельность: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, практических сотрудников, студентов, аспирантов (Саратов, 28 апреля 2017 г.). Саратов: Саратовский источник, 2017. С. 61–63.

Ершов В. В. Конституционные проблемы судоустройства и судопроизводства // Государство и право. 1994. № 12. С. 46–53.

Заикин С. С. Высший Арбитражный Суд: данные удалены // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 5. С. 109–129.

Зарубина М. Н. О законодательных уловках ограничения права на обращение в суд с исками о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство или исполнение судебного акта в разумный срок // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14, вып. 2, ч. 1. С. 349–356.

Клеандров М. И. Конституционные (уставные) суды субъектов РФ или конституционные (уставные) советы: следовало ли упразднить эти суды? // Российский судья. 2023. № 10. С. 40–45. DOI: 10.18572/1812-3791-2023-10-40-45.

Крупенко М. Р. Институт мировых судей Российской Федерации как преемник мирового суда по реформе 1864 года // Общество в эпоху перемен: современные тенденции развития: материалы Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и мо-

лодых ученых, проводимой в рамках II Междунар. форума студентов, аспирантов и молодых ученых «Управляем будущим!» (Новосибирск, 24–26 ноября 2014 г.). Ч. II. Новосибирск: Изд-во СиБАГС, 2014. С. 248–249.

Кузнецов А. А., Ильджеев В. Д. Проблемы реализации и защита конституционного права на достоинство личности // Юридическая гносеология. 2023. № 4. С. 57–62.

Мананников Д. И. Право человека на судебную защиту и доступ к правосудию // Права человека в современном мире: традиционные ценности и новые вызовы: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Декларации прав человека 10 декабря 1948 года (Тамбов, 13 декабря 2022 г.). Тамбов: Изд-во Першина Р. В., 2023. С. 116–117.

Михайлова А. А. Влияние специализации судей на эффективность распределения гражданских дел в судах // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 8. С. 19–23. DOI: 10.18572/1812-383X-2022-8-19-23.

Овечкин М. А. Специализированные суды в системе судов общей юрисдикции в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.

Савинова А. В. Судебные расходы как препятствие к осуществлению принципа доступности правосудия // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. Т. 4, № 3. С. 153–156. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-10825.

Самович Ю. В., Шарифуллин Р. А. Ограничение права на доступ к правосудию в практике европейских судебных органов и Конституционного Суда РФ // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. 2020. № 15. С. 156–163.

Синцов Г. В. Принцип субсидиарности как основополагающий принцип сотрудничества внутри федеративного государства (на примере Федеративной Республики Германия) // Современная научная мысль. 2017. № 3. С. 211–215.

Уильямс С. Проблема перегруженности суда не имеет простого решения // Закон. 2010. № 5. С. 7–12.

Фокеев С. С. Суд по интеллектуальным правам – первый специализированный арбитражный суд в России: история и факторы создания, международный опыт // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. Т. 6, № 6. С. 126–130.

Шишкина О. Е. Пределы конституционного контроля в соотношении с дискрецией законодателя (на основе практики Конституционного Суда Российской Федерации) // Журнал конституционного правосудия. 2019. № 4. С. 9–19.

Информация для цитирования

Волченко О. Ю. Правомочие доступа к правосудию в конструкции субъективного конституционного права на судебную защиту // Ex jure. 2025. № 4. С. 87–102. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-87-102

Volchenko O. Yu. Power of Access to Justice in Design Subjective Constitutional Right to Judicial Protection. Ex jure. 2025. № 4. Pp. 87–102. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-87-102
